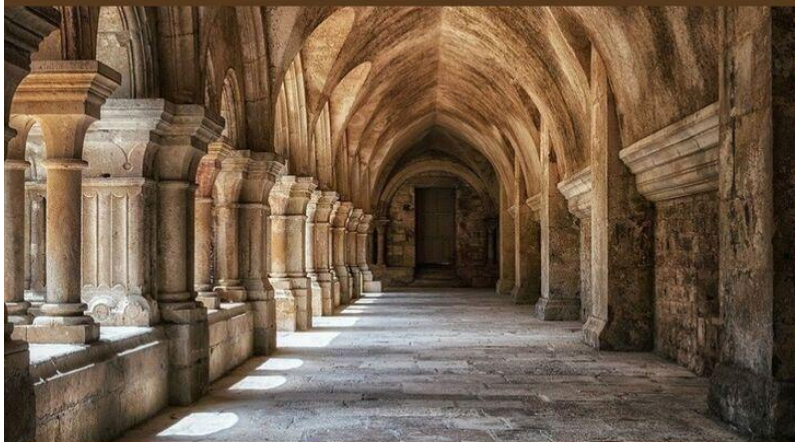

18+

Александр Гусаров

ОТ МАЛА ДО ВЛАДИМИРА

Исторический роман

Александр Гусаров
От Мала до Владимира.
Исторический роман

<https://litres.ru/71970250>

ISBN 9785005692245

Аннотация

Роман «От Мала до Владимира» охватывает очередной переломный момент в истории Древней Руси. Эта книга — продолжение исторического романа «Из варяг в греки». Перед читателями предстанут уже знакомые персонажи, а также новые герои. О том, как будут складываться их судьбы в период грозных потрясений, и пойдёт речь в произведении.

Содержание

I	5
II	22
III	32
IV	42
V	58
VI	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

От Мала до Владимира Исторический роман

Александр Гусаров

Фотограф Pixabay

© Александр Гусаров, 2026

© Pixabay, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0056-9224-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Подступала осень. Листва ещё не осыпалась с деревьев, разросшихся вокруг княжеского терема, но уже пленяла взоры оттенками жёлтого и красного, готовясь в скором времени оказаться под снежными россыпями. Стояла осенняя тишина бабьего лета. Пора расставаний и пора подведения итогов. Когда просыпается в душе то ли тоска о минувшем времени, то ли грусть о несбывшихся надеждах. Когда лежит на сердце тяжкой памятью бремя ошибок, воспоминания о которых то ли надо оставить в прошлом, то ли часть все-таки взять с собой в будущее, чтобы никогда больше не повторять.

В спальню Ольги князя не пустила повитуха — бойкая пожилая женщина, прямо перед ним задернув занавеску в проходе, ведущем в лежню. Княгиня была на сносях и чувствовала себя неважно. Все ожидали появления долгожданного наследника и встречали Игоря восторженно-радостными лицами. А у него на душе было неуютно. Когда он взял в свои руки бразды правления Русью, военное счастье слишком часто отворачивалось от него. С раннего детства его оберегали от трудностей и воинских потех. Он всегда получал то, чего пожелает. Надо было лишь немного покапризничать. Денно и ночью следили, как бы он не попал в беду или не съел то, чего не следует. Ведь он был единственный наследник. После внезапной смерти Вещего Олега выпало ему счастье за-

нять престол. Знатные бояре продолжали относиться к нему, как к капризному ребенку. Спросить совета и получить поддержку было не у кого. Приходилось полагаться на собственное избалованное самолюбие.

На днях он вернулся из похода. Причиной набега стало известие от непокорных вятичей. На его требование платить данину, те завернули гонца обратно и передали, что забирают их хазары и приходится от них откупаться, а киевскому князю дать уже нечего. Пусть сначала Игорь по примеру своего пестуна с жидовинами разберется, а уж потом с ними разговор ведёт.

Жили вятичи посреди дремучих лесов, болот и топей. В краю богатом мёдом, пушшиной, воском. Пограничные реки Десна, Осетр, Трубеж, Сула протекали в их краю на пути незваных гостей. Городки Мценск, Козельск, Ростиславль, Лобинск прикрывали столицу княжества Дедославль. Управляли ими, как исстари повелось выборные князья, с которыми договориться в убыток людям было невозможно. Воины у них тоже не последние на Руси. Для того чтобы жить в покое, предпочитали они отдавать незначительную часть своего богатства одному из наиболее сильных противников. После долгой беседы с посланником к вятичам боярином Серко, задумал Игорь, по примеру Вещего Олега, проучить хазар, чтобы дань шла только ему.

В поход пошёл своей дружиной, дабы сохранить всё в тайне, ну и всю добычу прибрать себе. Взял он хазарский город

Самкерц, основанный на Тамани ещё греками. Городок был маленький, но богатый. Дома в нем стояли по большей части каменные, двухэтажные. Гарнизон был тоже невелик, Игорь его быстро разогнал. Ближе к вечеру ему донесли, что к городу приближается хазарское войско во главе с Пселом. Поднялся он на ближайший холм и увидел клубы пыли над бесчисленными колоннами вражеских всадников. Может, они и были не бесчисленными, но у страха глаза велики. Понёсся Игорь, спасаясь от преследования, впереди дружины. Только темнота и выручила от полного разгрома. По возвращению в Киев стали его беспокоить мысли, что не сможет он прославиться, как Олег, и богатства такого у него не будет. Да и как бы держава совсем не рассыпалась. «Сейчас вятичи отошли, хазары клюют, а что потом? — спрашивал он себя. — Надо о славе своей позаботиться. Казну пополнить, варягов нанять побольше, чтобы и свои, и чужие бояться зачали...»

Игорь бродил по терему, пугая челядь хмурым видом. Был он невысокого роста, приземистый и широкоплечий. В бороде пробивались первые седые волоски. Лицо у него было обветренное и смуглое. Глаза достались Игорю от отца голубые, даже скорее синие. По пути князь ущипнул ключницу Домну. Круглая, плотно сбитая деваха хихикнула и, видно подманивая, спряталась в тёмном углу. Но ему нынче не до прятков. На выходе, в окне с цветными стеклышками он увидел перекошенное лицо, сгоряча плюнув прямо на свое отражение. Во дворе отругал конюшего за то, что тот в по-

следнее время плохо ухаживал за лошадьми. Сделал разнос-стряпчему за подгоревший хлеб. У ворот он приказал щуплому воину:

— Кучур, скажи воеводе, чтобы к вечеру созвал мне старших дружинников. Да, чтоб не забыл посадника позвать и тысяцкого!

День пролетел в пустяшных хлопотах. Игорь встретился с двумя боярами, потом с греческими купцами. Одни просили себе под посеvy землицы побольше — другие, чтобы с них брали мыто¹ поменьше. Разговаривал он со всеми свысока. Бояр он обвинил в том, что они мало платят в казну, а купцов, что у тех у самих в Царьграде с русских торговцев берут ещё больше. Игорь полагал, что любому можно отказать или даже наказать человека за назойливую просьбу, и в глубине души тот будет думать, что действительно в чем-то виноват.

На закате дня в просторной горнице, освещенной стрельчатыми оконцами, за узким длинным столом рассаживались постаревшие Стемид и Руальд, сухощавый и жилистый Велимудр, Молот, Девятко, Свенельд, Асмуд и ещё несколько дружинников. Во главе стола на высоком резном стуле восседал Игорь. Вид у него был суровый. Когда все расселись, он, сдвинув брови, проговорил:

— Я вас, други, собрал в сей трудный для отчины час. Обсудить треба, куды нам путь дале держати.

Он помолчал и, оглядев воинов, стараясь придать своему

¹ Пошлина(др.русс.).

голосу ещё большую строгость и твердость, сказал:

— Задумал я на греков итить. Добычу богату взять. Поэтому можна и на хазар ополчиться.

Сидевшие за столом переглянулись.

— На хазар ты уже ходил и нас не спросил. Войско не собрал, каково следует. Токо своей дружиной пошёл. Теперь хазаре, поди, насмежаются над нами, — высказался Асмуд.

Игорь вновь нахмурил брови.

— То дело случая. Сёдни они нас, а завтрева мы их. Тебе, Асмуд, я поручение готовлю. Будешь ты по рождению моего сына пестать. Воинским наукам обучати.

— А коли дочь родитси? — усмехнулся Стемид.

— Волхвы сына пророчат, — бросил Игорь.

— С пелёнок мне, што ли, его пестать? — спросил Асмуд.

— Как на коня посадят, так и пестать начнёшь! А покуль иди готовься!

— Так до ентого ишо не один год пролетить.

— Усё одно, иди отседова, — проронил Игорь, убирая с Совета своего приятеля по детским играм, который мог в любой момент открыто ему возразить и высказать правду прямо в лоб.

Едва за Асмудом захлопнулась дверь, он взглянул на юного сына Веремиды.

— А ты, Свенельд, с нонешнего дня будешь воеводой. Готовь войско для похода. Ладей надо много. Кузнецам наказ дай на кольчуги и копья. Стрел надо боле готовить. Много

оружия надобно.

— Как скажешь, князь, — радостно ответил тот.

— На Царьград итить — дело нешуточное, — проговорил Стемид. — Времени немалого потребуется, штобы усе как след приготовить.

— На Царьград никто и не пойдёт. Пройдёмся по землям византийским, разорение чиня, штобы выкуп нам дали. И войска мало надоть, и пользы больше. Тебе, Стемид, тожа пора отдохнуть. Будешь теперя охрану терема княжеского и крепости блюсти. Остальные дела тебе не касаются.

— Тебе оно виднее, — ответил, поднимаясь, Стемид.

— Ступай, — бросил ему Игорь.

После короткого совещания решение о военном походе на Византию было принято.

Как-то на рассвете терем огласили крики новорожденного. У Игоря появился долгожданный наследник. Назвали его Святославом. Широко открытые глазёнки смотрели на мир с живым интересом. Его будущий наставник Асмуд, глядя на круглое личико, промолвил:

— Воин родился. Вишь, как ножками сучит. Славу Руси принесёт.

— Для жука его младенец тоже красавец писанный, — проговорила повитуха. Она трижды сплюнула через плечо. — Иди-ка отсель, покуда не сглазил.

Игорь навестил родившегося сына и Ольгу всего один раз. Вовсю шла подготовка к новому походу. Поздней вес-

ной множество ладей пошли вниз по Днепру. Свинцовые воды реки неприветливо утекали за бортами. Бурлили пороги. Часть войска шла по берегу, предупреждая внезапные набеги кочевников. Остановились ненадолго в устье реки, а потом пошли вдоль берега Русского моря².

Следующая остановка была ближе к Дунаю, что дало возможность болгарским купцам первыми предупредить греков о надвигавшейся угрозе. Получив известие о появившихся русах, император Роман I Лакапин долго мучился сомнениями, как вести войну, пока один из придворных не доложил ему о нескольких десятках списанных ввиду ветхости хеландий, валявшихся по берегам залива. Он поручил патрикию Феофану поставить корабли на воду и оборудовать сифонами для метания греческого огня. Устройства поставили не только, как принято — на носу, но на корме и по бортам судов. Скоро посудины закачались у входа в пролив в ожидании ладей русов.

Игорь решил высадиться в провинциях Пафлогонии и соседней с ней Вифинии, в тех местах, где берег далеко выдавался в море. Византийских войск поблизости не оказалось.

Заскользили ладьи, одна за другой выскакивая на отмели. Прыгали воины на берег, крепили суда и начинали продвижение, разоряя ближайшие окрестности. Особенно страдали поместья богатых греков.

Пока шёл грабёж побережья, подошли стратиг Варда Фо-

² Чёрное море

ка с всадниками и отборными воинами из Македонии, стрателат Фёдор из Фракии со своими центуриями³, domestik Иоанн Куркуас с сорока тысячами воинов. Греки наращивали силы.

Свенельд послал в Вифинию большой отряд, чтобы пополнить запасы продовольствия, но тот наткнулся на засаду Варды Фоки и был практически уничтожен. Князь Игорь, получив данные о приближающихся армиях греков и растущих потерях, принял неожиданное решение идти на Константинополь. Его логика была проста: греки стянули все силы к побережью, где они высадилась, и столица должна остаться незащищённой.

В сухую солнечную погоду ладьи пошли к проливу. Дул легкий ветерок. Шли точно к тому месту, где их уже поджидали хеландии с многочисленными сифонами для метания огня. Как только показались первые русские ладьи, командующий византийским флотом Феофан приказал идти навстречу. Ветер совсем стих, и море лежало, как сине-зелёная скатерть, — ровное до самого горизонта. Суда шли под мощными взмахами вёсел, переливаясь в лучах яркого южного солнца. Разлетались в стороны тысячи брызг. Тихоходные хеландии даже после ремонта имели жалкий вид. Делалось всё в большой спешке. Облезлые борта и неспешный ход опасности не внушали, а порой вызывали улыбку. Хотя за ними в отдалении и двигалось несколько более совре-

³ Центурия — подразделение византийской армии в 100 человек

менных и скоростных дромонов и триер. Когда Игорь увидел крадущиеся ему навстречу византийские корабли, он прокричал на ухо Свенельду:

— Сей час зададим жару грекам! Надо в полон поболее народу взять! Дабы выкуп за них требовать!

Свенельд недоверчиво покачал головой. Он уже разглядел на носах и по бортам приближавшихся судов необычные металлические трубы, смотревшие чёрными отверстиями в сторону русских ладей. Греки подошли ближе. В полной тишине, с громким шумом и треском над хеландиями взвилось множество шаров с огненными хвостами. Они падали на борта, вёсла и палубы славянских ладей, жаркими ручьями растекаясь по поверхности. Горело почти всё и даже то, что гореть вроде бы не должно. Смесь серы, нефти и масла пылала даже на воде. Воины стали бросаться в море. Доспехи тянули многих ко дну. Кольчуги и шлемы хороши для боя, но не для плавания.

Игорь поначалу не мог произнести ни слова. Он растерянно смотрел на стоявшего рядом воеводу. Потом крикнул рулевому, чтобы тот развернул ладью. Свенельд понял, что князь хочет предоставить воинов самим себе, и перепрыгнул на другое судно. Он приказал всем, кто был поблизости, идти ближе к берегу, на мелководье, где греческие корабли с более глубокой осадкой были бессильны. Игорь в это время поднял парус и в сопровождении нескольких ладей взял курс на родину.

Воеводе удалось вывести из-под огня большую часть судов и, пройдя вдоль побережья, снова высадиться. Ещё несколько месяцев он тревожил набегамии провинции империи. Свенельд избегал столкновений с крупными соединениями греков, продолжая дерзко нападать на мелкие гарнизоны и городки у моря. Если поначалу русские воины обходились с местным населением довольно милостиво, то теперь жители городов Никомедии, Гераклии, да и многих других содрогнулись. Дружинники мстили за своих погибших товарищей. Поздней осенью воевода посадил воинов в загруженные добычей ладьи и повёл оставшихся в живых к родным берегам.

Игорь встретил вернувшихся русичей так, как будто ничего и не случилось. Он, как ни в чем не бывало, похлопал Свенельда по плечу.

— Я поплыл назад, штобы потома возвернуться за вами, — сказал он. — А ты добру брань затеял.

Воевода усмехнулся:

— Ты, князь, завсегда поступаешь мудро.

Игорь посмотрел внимательно на Свенельда, но тот уже смахнул с лица улыбку.

— Я не ошибси в тебе, — проговорил Игорь.

От очередного поражения князь Игорь оправился быстро. Он ни на минуту не оставлял мыслей о славе, но более всего о богатстве, считая всё временными неудачами, а гибель простых людей — их обязанностью. О том, чтобы обвинить

себя в просчетах, не могло быть и речи. Но в этот раз он нашёл поддержку во многих славянских землях. Все в один голос заговорили о непременно отмщении грекам за нанесённое поражение и гибель множества русов. Закипела работа по подготовке нового похода. Готовились не спеша, более двух лет. Свенельду удалось взять в заложники нескольких печенежских вождей, а за их освобождение потребовать присоединение печенежского войска к нашествию на Царьград. Было решено, что если вновь случится морское сражение — держаться мелководья, где преимущество было на стороне русских ладей.

Подошло время, и дружины, миновав пороги, спустились на воды Русского моря. Полетели гонцы к императору Роману с вестью о несметном количестве русов. Он тут же направил своего посланника к Игорю с предложением о мире. На Совете старших дружинников общее мнение огласил Руальд: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть»⁴. Память о поражении под Царьградом ещё не была забыта. Приняв богатые дары, Игорь развернул войско.

Через год в Киев приплыли послы из Константинополя для подписания договора, правда, уже от другого императо-

⁴ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА ModernLib.Ru Летописец Нестор — По-
весть временных лет

ра. Хитрого, умного и честолюбивого правителя — выходя из простых крестьян, сумевшего раскрыть против себя не один заговор Романа I сместили с трона собственные сыновья: Стефан и Константин. Они сослали его в монастырь на остров Проти в Мраморном море, но через некоторое время и сами оказались там же. На остров их отправил занявший трон соправитель Романа — Константин VII Багрянородный, сын Льва VI и Зои Карбонопсины — имевший, по сути, больше прав на престол. Встречая на далёком острове у причала сыновей, Роман I не скрывал своего злорадства.

— Ну что, вернулись с короной? — Он ехидно добавил: — Видно, не успели надеть, чтобы отцу показать.

Сыновья переглянулись. Стефан, понутив голову, бросил:

— Прости, отец. Нас провели, как младенцев.

Его брат встал на колени.

— Мы в твоей власти.

Роман принял сыновей под своё крыло, давно потерявшее былую силу.

...Новый император Константин получил своё прозвание от названия зала во дворце, где он родился — (Порфирного) Багрянного. Этим лишний раз подчеркивалась его принадлежность к императорскому роду. Теперь уже он начал налаживать отношения с Русью.

Послы вручили Игорю подписанные им тексты:

«I. Мы от рода Русского, Послы и гости Игоревы... Мы, посланные от Игоря, Великого Князя Русского, от всякого

Княжения, от всех людей Русския земли, обновить ветхий мир с Великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном, со всем Боярством и со всеми людьми Греческими, вопреки Дияволу, ненавистнику добра и враждолюбцу, на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, крещеные и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержитель на гибель вечную и временную, а вторые да не имеют помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от собственных мечей, стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий!

II. Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостями и Послами. Гости, как было уставлено, носили печати серебряные, а Послы золотые: отныне же да приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, доколе известим о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерть их да не взмущается от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними, как ему угодно.

III. Гости Русские будут охраняемы Царским чиновником, который разбирает ссоры их с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 золотников (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к

ней печать свою. Отправляясь из Царяграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у Св. Мамы и да возвращаются с охранением.

IV. Когда уйдет невольник из Руси в Грецию, или от гостей, живущих у Св. Мамы, Русские да ищут и возьмут его. Если он не будет сыскан, да клянутся в бегстве его по Вере своей, Христиане и язычники. Тогда Греки дадут им, как прежде уставлено, по две ткани за невольника. Если раб Греческий бежит к Россиянам с покражею, то они должны возвратить его и снесенное им в целости: за что получают в награждение два золотника.

V. Ежели Русин украдет что-нибудь у Грека или Грек у Русина, да будет строго наказан по закону Русскому и Греческому; да возвратит украденную вещь и заплатит цену ее вдвое.

VI. Когда Русские приведут в Царьград пленников Греческих, то им за каждого брать по десяти золотников, если будет юноша или девица добрая, за середовича восемь, за старца и младенца пять. Когда же Русские найдутся в неволе у Греков, то за всякого пленного давать выкупа десять золотников, а за купленного цену его, которую хозяин объявит под крестом (или присягою).

VII. Князь Русский да не присвоивает себе власти над страню Херсонскою и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков: мы да-

дим ему, сколько будет надобно.

VIII. Ежели Русские найдут у берега ладью Греческую, да не обидят ее; а кто возьмет что-нибудь из ладии, или убьет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому.

IX. Русские да не творят никакого зла Херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни у Св. Ефферия, но при наступлении осени да идут в дома свои, в Русскую землю.

X. Князь Русский да не пускает Черных Болгаров воевать в стране Херсонской....

XI. Ежели Греки, находясь в земле Русской, окажутся преступниками, да не имеет Князь власти наказывать их; но да примут они сию казнь в Царстве Греческом.

XII. Когда Христианин умертвит Русина или Русин Христианина, близкие убиенного, задержав убийцу, да умертвят его. Когда убийца домовит и скроется, то его имение отдать близнему родственнику убитого; но жена убийцы не лишается своей законной части. Когда же преступник уйдет, не оставив имения, то считается под судом, доколе найдут его и казнят смертью.

XIII. Кто ударит другого мечем или каким сосудом, да заплатит пять литр серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатит, что может; да снимет с себя и самую одежду, в которой ходит, и да клянется по Вере своей, что ни близные, ни друзья не хотят его выкупить из вины:

тогда увольняется от дальнейшего взыскания.

XIV. Ежели Цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидят чрез то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью»⁵.

Договор был менее выгодный, чем заключённый Олегом. Он обязывал киевского князя участвовать во всех войнах на стороне Византии, защищать Корсунь от нападения болгар. В нем просматривалось немало уступок, сделанных грекам. Игорь, обнажив меч у статуи Перуна на святилище, в присутствии многих дружинников и византийских послов дал клятву, что будет соблюдать условия договора. Второй текст с княжеской печатью послы увезли в Константинополь.

Полученные дары из Царьграда пошли в качестве выплаты многочисленным воинам от всех земель и варягам за участие в походе. Большого богатства военная компания Игорю не принесла, хотя несколько укрепила его положение — как государя Руси. Но собственная дружина Игоря была недовольна.

Однажды Игорь, как обычно, обходил дворовые постройки крепости, учиняя разнос нерадивой челяди.

— Здраве будь, княже, — издалека заметив князя, поклонился ему Кучур. Он после похода получил звание сотника и вернулся на своё старое место у ворот.

⁵ Н. М. Карамзин «История государства Российского». Москва «Олма-Пресс» 2003. стр.92—94

Игорь на этот раз был в хорошем настроении.

— Здраве будь, сотник. Каково тебе и твоим воям ныне живётся? — спросил он у стражника.

— Похвастаться нечему, князь. Охрана твоя боса и нага. Свенельдовы вои изоделися усе. Оружия и одёжи не перечесть. А мы яко сироты, — жалобным голосом протянул Кучур.

— Как токо в полюдье к древлянам отправимся, и вы приоденётесь, — успокоил его Игорь. Он по своей привычке похлопал того по плечу и поспешил в терем к обеду.

II

Путята и Добрыня бродили по колено в воде. Сплетёнными из ивовых прутьев корзинами они старательно шарили по дну. Заводь не менее, а может и более, чем сама река была наполнена рыбой. Ноги с легкостью погружались в мягкий податливый ил, и снизу вздымались огромные грибовидные клубы. В мутной взвеси почти вся рыба поднялась и заскользила по поверхности. Налимы извивались, словно змеи. Щурята проплывали незаметно, оставляя лёгкий след, но и те и другие не уходили от рыбаков.

На берегу высилась гора пойманной добычи: щуки, выюны, окуни. Мелкую рыбёшку приятели милостиво выпускали обратно. За мальчишками, одобрительно покрывая, внимательно наблюдала большая лягушка с выпученными глазами. Путята помахал в её сторону рукой, и она, может даже от обиды, плюхнулась в реку.

Чуть дальше заводи был глубокий и темный омут. Туда ребята не доходили. В черной пугающей глубине и водяной, и русалка могли притаиться. А уж сомик мог запросто облюбовать для себя такое место жительства. Всего было вдосталь в краю, где они росли. В воде водилось много рыбы, над водой — птицы, в лесу — зверя. В дуплах было полно меда, а в травах — ягоды. Но все то богатство, что давала родная земля, доставалось тяжелым трудом с потом, а порою

и с кровью.

Путята, пробираясь вдоль берега, спросил:

— Добрыня, как ты думаешь, удастся с хазарами ноне замириться, али нет?

Высокий худой мальчишка ростом пошёл в своего отца — за стать и могучую фигуру, носившего шутливое прозвище Мал, ставшее навеки его настоящим именем. Он умными, задумчивыми глазами взглянул на приземистого паренька.

— Сего, окромя хазар, никто не ведаить. Токо отче сказывал: не раз ишо браниться с ими будем.

— То так, — согласился Путята.

Поднявшись на берег с корзиной, наполненной на одну треть, он показал на уже наловленную гору рыбы:

— А не хватить рыбалить-то?!

— Пожалуй, хватить, — ответил Добрыня. — Давай завтра лучше на охоту пойдём. Говорят, в урочище за гнилым болотом кабана полным-полно.

— Пойдём, — добродушно отозвался Путята.

По берегам быстрой речушки Уж — извилистой и говорливой, там, где она с легким журчанием катила воды, на двух высоких холмах из красного гранита стоял древний Искоро-стенъ. Крепостная стена, опоясывавшая город, была сложена из многовековых дубовых стволов.

У подножия крепости уже появилось много обработанных участков, где древляне выращивали лён, сеяли рожь, но по большей части вокруг — насколько хватало глаз, простира-

лись девственные леса и непроходимые болота. Отсюда и название жителей: деревляне — древляне. Но была и вторая причина прозвания племени. Древний вождь славян Богу-мир в давние времена имел от жены Славы трех дочерей: Древу, Скреву и Полеву и сыновей Сева и Рус. Так и пошли от них: древляне, кривичи, поляне, северяне и русы.

Город жил своей обычной жизнью. Проходили редкие прохожие. Скрипели плохо смазанные колеса телег, подвозившие собранный урожай или товар на продажу: пушнину, лён, кожу, мёд... Позванивало серебро, а то и золото в сундуках древлян. Кудрявились золотистые вихры ребятишек, будто завитые в локоны солнечные лучи. Небесные искры добра отражались в глазах русичей: от озер — в синих; от коры дубовой и омутов речных — в темно-карих; от травы — в изумрудно-зеленых; от цвета осенней водицы — в серых.

Добрава встретила сына у входа в большой, рубленый из хорошо отёсанных толстых брёвен двухэтажный терем.

— Што наловил рыбы, кормилец? — шутливо спросила она.

— Сама гляди, — нарочитым басом ответил тот и поставил перед ней корзину, до краёв наполненную рыбой.

— Да куды ж столько?! — воскликнула мать.

— Это мы ишшо всю мелочь выпустили, — похвастался мальчишка.

— Ладно, отнеси улов стряпухе. Може, она из такового богатства што-нибудь сообразит, — примирительно сказала

Добрава сыну.

Отец Добрыни в то же самое время с высокой башни наблюдал, как вдалеке показалась большая группа всадников и пеших воинов. На солнце поблёскивали доспехи ратных людей. Обычно тяжёлое вооружение везли на телегах, а здесь оно было уже на ратниках. Значит, они шли именно к ним. Всадники остановились на приличном расстоянии. Многие из них спешили и начали ставить шатры.

Мал приказал Жировиту и Нежке затворить ворота и оповестить сотников, чтобы те поднимали людей. Через полчаса на пришельцев с крепостных стен уже взирали десятки внимательных, насторожённых глаз, а ладони крепко сжимали рукояти мечей.

Дружина Игоря была в пределах видимости из крепости, но в недосыгаемости для стрел лучников. Он и несколько его дружинников неспешно поехали в сторону ворот. Ярко светило солнце, но осенняя погода уже веяла холодком. Ворота распахнулись. Через ров опустился мостик. Навстречу Игорю прошли Мал и несколько древлянских бояр. Они поприветствовали друг друга.

— Собрали полюдьё? — спросил Фрутан, гарцевавший на гнедом коне по правую руку от Игоря.

— До вечера усе привезём. А на кормление дружины сей час отроки снедь принесут, — хмуро ответил Мал.

— Буде чем закусить, апосля дальней дороги, — оглянувшись на своих людей, с усмешкой проговорил Игорь. Он бро-

сил многозначительный взгляд на Мала. — Да с даниной не затягивай — мне недосуг в вашей глуши околачиваться. А то... — не договорив, он натянул поводья, разворачивая коня.

Могучий Мал плюнул вслед отъезжавшей свите, тоже сделали и его бояре. Возмущенно переговариваясь, они вернулись в крепость.

У рощицы запылали костры, запахло жареным мясом. Зайчатина, кабанятина, тетерева и рябчики поджаривались на вертелах. Привезённые корчаги с мёдом и пивом быстро пустели. Вечером потянулись подводы с данью, которую варяги и приехавшая с ними челядь перегружали на свои повозки. Игорь с довольным видом обходил ворохи пушнины. Всего было в достатке — тканей, серебряной посуды, воска, мёда.

Полутру дружина тронулась в обратный путь. Проехали вёрст тридцать. Свен — один из старших дружинников, заметил Игорю:

— Греки поболе дали. А древляне второй раз на Царьград не ходили. Могли бы заместо ентого ишо выкуп дать.

Игорь пришпорил коня и объехал растянувшийся обоз. Все повозки были загружены доверху, и только несколько были полупустыми. Явтяг сидел на ворохе меха.

— Дай-ка мне противень⁶ глянуть, — требовательно сказал князь.

⁶ Список (др. русск.).

Явтяг подал берестяную грамоту. Игорь пробежал её глазами...

— Я ишо из кадки с воском два больших полена достал, — сообщил Явтяг. — А беличы шкурки кой-иде стрелой попорчены.

Игорь капризно поджал губы.

— Усе князя хотят облапошить. Веры никому нету.

Он нагнал Свена. Некоторое время ехал рядом, о чём-то усиленно размышляя.

— Пойду ишо данины с них соберу! Отбери воев, кто поведомей, повертаем обратно! — неожиданно приказал он ему.

Дружина Игоря разделилась: часть, загруженная данью, пошла к Киеву, остальные повернули к Искоростеню. В подступавшей темноте подошли к городу. Дозорные у ворот позвали Мала. Тот вышел к Игорю, смотревшему на него сверху вниз с высокомерным видом. Мал стоял с гордо поднятой головой и едва ли был намного ниже Игоря вместе с конём.

— Здраве, княже! С чем обратно пожаловал?! — хмуро проронил он.

— Здрав будь, Мал, — ответил Игорь.

— Ты спесь-то свою сбрось. Чай князь с тобою слово молвить, — заметив недовольное лицо древлянского князя, произнёс Свен. Теперь он вместо Фрутана, повезшего дань в Киев, гарцевал по правую руку от Игоря.

— Да мы, чай, тожа не лаптем щи хлебаем, — неожиданно

дерзко ответил Мал.

— Язык попридержи, — грубо оборвал его Игорь. — Решил я, што данину вам след ишо собрати. Ты последний раз, кады на Царьград ходили, людей в войско не дал. Вои мои в походе поиздержались. Скажи своим толстосумам — пушай раскошелятся. Да поболе с простых людишек собери. Пушай мошну-то порастрясут.

— А то мы её сами порастрясём! — громко сказал Свен. Воины вокруг него дружно загоготали.

— Пушай, трясуть как следовать, а то и мошну заберём! — выкрикнул Гомол.

— Они с ней, с мошной-то теперя спят, как с красной девкой! — воскликнул Свен.

— И мошну, и девку пушай нам везуть! — ответил ему со смехом Гомол.

Мал сурово произнёс:

— Не мне гэта решати, — глядя на разрезвившихся варягов, он добавил: — А ответ вы получите.

— Вот и собери бояр, да и подумайте. Добра ишо столько же надоть. Тока времени тебе до утра, — под одобрительные взгляды дружинников сказал ему Игорь. Он развернул коня и поехал к месту прежней стоянки.

Варяги поставили шатры. До них стали доноситься крики из крепости.

— Видать, дани не хотят давать. На Вече, поди, собрались. Нечего, пошумят, да и смирятся, — заметив тревожное

выражение лица Игоря, сказал Свен. Он прибавил: — Они народец терпеливый. Ужо не один раз тако было.

— Ты дозорных на ночь поболе выставь, — распорядился Игорь. Свен в знак согласия молча склонил голову.

На городской площади шумел древлянский народ. Перед княжеским домом собралась большая толпа. Были, конечно, среди них и очень зажиточные купцы, но в основном достаток у древлян был примерно одинаков. Впрочем, как и повсюду на Руси в то время. Богатые на этот раз были заодно с остальными горожанами. Большинство было одето совсем просто: длинные подпоясанные рубахи и лапти, но на многих были и кожаные сапоги, греческие туники с рукавами и широкие штаны. Мозолистые, натруженные руки сжимались в увесистые кулаки.

— Повадилси он к нам, как тать⁷ ненасытная! Гнать его отселя! — слышались отовсюду возгласы. — Каждый год ровно по стоко отдавали! С чего теперя надо боле давати?! А то, што греков не пошли воевать, то наша справа!

Мал с невысокой степени обратился к собравшимся:

— Што с данью порешим, братия?!

К нему поднялся купец Василько. Молодой и розовощёкий, несмотря на юный возраст, он уже не раз ходил за море, чаще всего к грекам, за что и получил свое прозвище. Умел торговаться лучше многих. Василько громко проговорил:

— Не можна боле данины давати! Гэты княже, аки волк

⁷ Вор (др.русс.).

за овцами ходить! Покуль его не отвадить, он усё стадо перетягаить!

— Верно Василько глаголит! — послушалось со всех концов площади. — Эти варяги не нажрутсЯ никада!

Собрание затянулось, поручив окончательное решение принимать Думе — старшинам от каждого рода. Самые уважаемые люди и старейшины остались на площади и ещё долго говорили между собой.

Ночь была тёмной, пряча за причудливыми тенями человеческий страх. На этот раз сумрак будто дышал жуткой тишиной. Искоростень затаился. Без скрипа отворились ворота. Неслышно ступали сотни воинов. Словно молнии, взвились в небо с трёх сторон стрелы с горящей смолой, освещая лагерь князя и вонзаясь в шатры дремавших варягов. Трещали и разлетались в стороны липкие искры. Дозорные успели поднять крик, но тут же пали, сражённые кто кинжалом, кто копьём, кто огненной стрелой, нацеленной в горло. Из горящих шатров выскакивали гридни Игоря, но, видя устремившиеся к ним огненные смерчи, бежали в оставленный для них свободный проход. К лошадям, пасшимся на лугу, не прорвался никто. Вёрст пять их так и гнали, обступив с трёх сторон.

Начало светать. Перед отступавшей дружиной князя лежало пространство, словно накрытое красивым травяным ковром. Тонкая корка льда, покрывавшая глазастые прогадины между высокими кочками, легко ломалась под тяжёлы-

ми сапогами. Берёзки-карлики, мох, яркие ягоды на непрочной почве только отвлекали внимание. Перед тем, как засосать и полакомиться человеком, под ногами что-то, будто живое, выло, стонало и чавкало. Один за другим вои Игоря находили конец в коварной влажной жиже. Самого Игоря взяли живым. У высокой берёзы ему подставили под горло острое копьё.

— Смотри на нас, разбойник! — скомандовал ему высокий древлянский воин. Был он совсем не молод, с морщинистым лицом, из-под шлема у него выбивались седые волосы. — В глаза нам смотри!

— Мы его сей час досыта накормим, — тихо проговорил Нежка.

Воины склонили две растущие поодаль берёзы и привязали к ногам Игоря. Через секунды всё было кончено.

III

Древлянское посольство киевляне встретили неприветливо. Собралась большая толпа. Рядами стояли хмурые полянские бояре и купцы. Варяги, которых Игорь отправил с данью в Киев, готовы были тотчас схватиться за мечи. Ведь их могла ожидать та же участь, что и их товарищей: быть убитыми в ночном бою или потонуть в болоте, а то и взлететь по частям над макушками берёз. Рядом с Ольгой на древлян исподлобья взирали посадник Велимудр и воевода Свенельд.

— В землю их живьём закопать! — прокричал Кучур. — Ослепить их надоть! — посоветовал кто-то из толпы.

Велимудр поднял вверх руку, требуя тишины.

— Говорите, — обратился он к стоявшим в окружении стражи древлянам. В руках у тех были дорогие меха, золотое оружие, шелка.

Древляне подошли ближе и, поклонившись в пояс, положили перед Ольгой и Свенельдом подарки. Один из них — высокий и статный старик, произнёс:

— Примите в знак примирения скромны дары. Послала нас древлянска земля. И ведомы нами обычаи русски, и месть готовы принять. Но и вы уразумейте нас. Чай мы одной крови и предки наши сродники. Не пристало усобицу затевати. Муж Ольги, яко волк, по землям нашим шарилси, расхищая и грабя, прашуров позоря. А наши старшины и князь

добры быти, распасли от него землю нашу. Посему Ольгу отдайте в жёны Малу и мир сотворим. В честном бою Игорь был разбит. По сему главным князем с градом своим теперя Малу быти, а сын Игорев пусть ему сыном станет.

Вперёд вышла Ольга. Губы у неё были крепко сжаты. Большие голубые глаза, особенно заметные на фоне белого чистого лица с округлыми щеками, потемнели, как небо перед грозой. Это уже была не та юная девочка, привезённая когда-то Стемидом в княжеский терем. Когда она сделала шаг вперёд, все как будто впервые увидели красивую молодую женщину в белой траурной одежде, с большими ясными очами, во взгляде которой сквозила холодная злая воля.

— Не вам нам советы давать, што дале делати! Мне ли не ведать мужа своего, и плохи стороны его! Но на государя вы руку подняли! — твёрдо сказала она. — И за то наказание заслуживаете!

Позади неё раздался одобрителный хор голосов собравшихся полян.

— Верно княгиня глаголит!

— Не тебе, женщина, таки дела решати, — тихо проронил высокий старик. — Пусть Вече ваше рассудит, чью сторону принять.

— В поруб⁸ их, — приказала Ольга, обращаясь к Свенельду. Тот сделал жест рукой, и древлян увели.

Древляне просчитались. Вече в Полянских землях уже

⁸ Темница, тюрьма (древн. русск.).

давно носило чисто формальный характер и было легко управляемо богатыми киевлянами. Всё решали, по сути, лучшие люди города или сильный князь. Ольга созвала в Золотой палате знатных жителей. В просторной зале они горячо обсуждали приезд древлянских послов.

— Ишь, чево удумали? Княжеску власть перенести из Киева?! — возмущался Местята — самый богатый в столице боярин.

— Да ето што, они Ольгу с малым князем хотят увести к себе! — поддержал его Немежич, владевший несколькими участками земли.

— Да оно може и лучше, — оглядываясь по сторонам, тихо произнёс Жирид, тоже богатый землевладелец. — Мы тут сами бы и управились. Усе земли бы нам отошли.

— Гиблое дело, — также тихо ответил ему Немежич, — у неё в дружине варяг не перечесть, а они голову за неё сложуть. Гэта како смертоубийство пойдёт? Ишо и наше отберуть.

— То верно, — тяжело вздохнул Жирид.

В Золотую палату вошла Ольга с маленьким Святославом. С одной стороны от неё в полном вооружении шёл Свенельд, с другой важно шагал Асмуд. Все притихли. В гордой посадке головы, важной осанке чувствовалась непреклонная решимость. Под взглядом, повеявшего зимней стужею, многие низко склонили головы.

— Ета уmrётъ, но своо не упустить, — прошептал Жи-

рид.

Его слова слышали все, кто был в палате. Ольга на миг замерла, бросив взгляд в сторону, откуда раздался громкий шепот, но промолчала и прошла к высокому резному стулу. Рядом стояло маленькое кресло для Святослава, по бокам от них встали рослые вооруженные варяги.

— Здраве буде, лучше люди! — громко сказала она.

— Здраве буде, княгиня, — вразнобой ответили собравшиеся купцы, бояре, воеводы.

— Хочу послушать ваш совет, как нам следовать поступити?

— Наказать древлян следовать! — раздался чей-то голос.

— На кол их усах посадить, начиная с посланников! — крикнул Местята.

— Сие будет усё одно, што спичку к стогу сухого сена поднести, — рассудительно произнёс Велимудр. — Ужо давно вятичи отказалися дань платить, а прочих, чьи земли ближе к нам, еле-еле принудили. Сильная воля князя надобна, а её нету до сей поры.

Ольга подняла вверх руку.

— Вот што я решила. Через время княжеска дружина пойдёт на древлян и Искоростень возьмёт. Посланников возвернём, апосля того, как тех кто князя казнил, отдадут на суд наш. Киев так и останется как мать городов русских. И за князя древлянского я не пойду. У нас свой наследник подрастает. — Она указала глазами на Святослава.

— А до взросления малого князя будет княгиня вместе с ним на престоле! — громко произнёс Свенельд. — Яко Вещий Олег с Игорем были.

— То верно! Мы с тобой, княгиня! — слышалось со всех углов залы.

Древлянских послов продержали в подвалах терема до самого похода, чтобы потом напоказ выставить под стенами Искоростеня. Остальные земли полян не поддерживали. На древлян пошли киевляне и варяги, нанятые ещё Игорем — одни заинтересованные в сохранении своих привилегий как столицы Руси, другие, желая продолжать служить княгине в качестве наемного войска, чтобы кроме оплаты, получать на Руси земельные наделы, а если повезёт, то должности и чины.

По пути без боя взяли древлянские города: Белгород, затем Малин и Олевск. Потом завернули в Овруч и уже оттуда двинулись на Искоростень. Не доходя верст пять до города, увидели стоявшую на поле у реки рать древлян. Сходу вступить в бой варяги не захотели и разбили лагерь. Неделью стояли друг против друга. Перед решающей битвой выехали на конях перед своими дружинами Свенельд и Мал. Поздоровались. Свенельд бросил Малу:

— Города усе ваши сдалися. Будь разумнее, уговори своих воев сдаться! Я ведаю, силы у тебя невелики.

— На усё Сварога воля! Пушай мечи нас рассудят! — ответил Мал и вернулся к войску, не желая продолжать разго-

вор.

Перед киевским войском в сопровождении облачённых в доспехи Асмудом и Свенельдом выехал шестилетний Святослав. Конь, пофыркивая и прядя ушами, словно чувствуя предстоящую схватку, теребил правым копытом землю. Мальчик с трудом удерживал в ладошке тяжелое древко. Он поднял копье над головой и бросил между ушами жеребца. Копьё соскользнуло вниз и, ударив коня в ногу, упало на землю. Конь тряхнул гривой, чуть было не встав на дыбы, но Асмуд вовремя подхватил его под уздцы.

— Князь начал, и нам пора! — обнажив меч, крикнул Свенельд.

Варяги, сомкнув в рост человека щиты, ошетилившихся копьями, клином двинулись на шеренги древлянского ополчения. Среди древлян было мало хорошо вооружённых воинов, редко на ком были одеты латы и кольчуги. В строю стояли в основном землепашцы, рыбаки и охотники. Конницы у них не было совсем. Как и все славяне, с детских лет они обучались военному искусству, но это не было их профессией. Прикрываясь тяжелыми щитами, варяги вклинились в ряды ополченцев. Под напором хорошо вооруженных воинов древляне начали медленно отходить. Во фланги тоже ударили княжеские дружинники. Крушил в ответ головы боевым топором могучий Дубак. Ожесточённо отбивались Жировит и Хрипан, ронял свой тяжелый меч на щиты варягов Мал, но вот пали один, второй, третий... У многих древлян в ру-

ках были цепи и кувалды. Силы были явно неравны. Сохраняя боевой порядок, древляне отступили к воротам и, оставив небольшое прикрытие, укрылись за крепостными стенами. Оставшиеся вои рубились отчаянно, но скоро и они были либо убиты, либо ранеными взяты в плен.

Киевляне попытались взять город сходу. На их головы полилась горячая смола, а то и расплавленное железо. Вниз полетели тяжелые камни. В кольчуги и доспехи впивались горящие стрелы. Свенельд подал сигнал отходить.

До конца лета было еще несколько попыток штурма, но все они закончились ничем. Крепость на высоких холмах из гранита была неприступна. Преимущество варягов, которым они могли воспользоваться в открытом поле за счет лучшего вооружения и доспехов, во время штурма мощной крепости сходило на нет. Войско Ольги простояло под стенами города больше года. Всё это время продолжались долгие переговоры. Сначала речь шла о безоговорочной сдаче. Но упорство и стойкость защитников сделали своё дело. Не такие уж крепкие зубы оказались у варягов и полян, чтобы разгрызть крепкий древлянский орешек. Переговоры продолжались. Сошлись на том, что древляне выдадут тех, кто казнил Игоря, а Мал должен будет отречься от прав на престол и переехать жить в другое место. Как гарантия того, что он во второй раз не поднимет свой народ, его дети — сын Добрыня и дочь Малуша пойдут в заложники к Ольге. Столицу древлянской земли киевская княгиня решила перенести ближе

к Киеву, но не настолько, чтобы те могли угрожать городу. Новой столицей древлян она выбрала Овруч.

Недолго шло Вече древлян. Собрались они, как обычно, на площади перед княжеским домом. Не звучали на этот раз оживлённые разговоры и громкие споры. Грустно смотрели горожане на своего князя, стоявшего перед ними с непокрытой головой.

— Благодарю, братия и сестры, за справную битву, што мы вели. Не смог ворог склонить нас к общей сдаче и поклонению. Но токо припасы наши уже на исходе. Рано или поздно они град наш захватят и тогда многих казнят. Сии жертвы считаю излишними, — выступал Мал.

— Ну и пущай! Зато усе погибнем с честью! — ответил ему Доброслав, отец Путяты.

— А малы дети тута причём? — спросил у него Мал. Он обратился уже ко всем на площади.

— Коли люди остаются живыми, то завсегда многое можно назад воротить. А коли людей положим, кто возродит нашу землю? Седни они сильнее нас. Тем паче, што усе останется по-прежнему. Акромя... — он запнулся и махнул рукою. — Вы меня князем поставили, потому слушать обязаны. Посему велю выдать меня княгине. Кто пожелает принять наказание за казнь Игоря, пусть идет завтрава со мною за-ради будущего остальных.

Поутру из ворот вышли трое древлян и князь Мал со своим семейством. Ворота за ними закрылись. Они остано-

лись на внезапно поднявшемся ветру: могучий Мал, стройная Добрава, хмуро смотревший вдаль Добрыня, который держал за руку трёхлетнюю сестрёнку. Чуть в стороне стояли — Нежка, Жизномир и Белик.

В гулкой утренней тишине со стороны рощи, где стоял шатёр Ольги, раздалось одинокое: «ку-ку». Белик прислушался и усмехнулся.

— Кажись усё, братья.

Показались конные варяги. Нежку, Жизномира и Белика отвели чинить дознание на место казни Игоря. Мала и его семью провели к приготовленному для них шатру. На следующий день Ольга спроварила Мала с Добравой в Любеч, где для них был выкуплен дом. Добрыня и Малуша должны были поехать вместе с ней в Киев.

Слово своё княгиня сдержала, осада города в этот же день была снята. Древлянских послов она освободила. С этих пор Ольга отменила полюдьё, в том виде, в каком оно собиралось до этого. В каждой земле возвели погосты под началом тиунов, куда и стала свозиться дань. Ездить и собирать дань по городам князья перестали на долгое время.

После победы над древлянами Ольга задумала объехать русские земли. Как схлынуло половодье, дружина на ладьях тронулась в путь. Суда поднялись по Днепру и через волок в Гнездове прошли реками и речушками в Ловать, а там и до Ильмень-озера уже было рукой подать. В Новгороде её встретили с подобающими княжескими почестями. Го-

род разросся и раскинулся по обе стороны Волхова. Ольга прошла по окрестным селениям, ставя погосты со своими людьми. Потом через Ильмень прошла в Шелонь, затем по волоку в Лугу и до Варяжского моря. Посетила село Будутино. Постояла на берегу реки Великой, с грустью вспоминая свое нелегкое детство, как после гибели отца и смерти мамы её привезли сюда из Изборска. Возвращалась она через земли кривичей, вятичей, радимичей и северян. Ей удалось многих уговорами вернуть под свою руку.

IV

Светало. В княжеском тереме, как никогда, суежилась челядь. Сновали по лестницам и залам постельничие, стряпчие, чашник, привратники, ключница и их многочисленные помощники. Прошло несколько лет после объезда русских земель и Ольга начала готовиться к поездке в Царьград. В большой горнице перед высокой симпатичной девочкой она примеряла наряды. Из-под прислуги для этого она выделяла свою любимицу Малушу, доверяя её вкусу в выборе одежды, в которой ей предстояло предстать перед императором. На Ольге был расшитый золочёным орнаментом темно-бордовый кафтан, обсыпанный многочисленными изумрудами, рубинами и жемчугами. Из-под широких рукавов виднелись украшенные ярким узором зарукавья нижней рубахи. На голове переливалась отороченная собольим мехом круглая шапочка. Концы повы с серебряной и золотой вышивкой опускались на плечи. На ногах ладно сидели мягкие сапожки из цветной кожи без каблуков, в тон верхней одежде.

— Гэта, пожалуй, подойдёт? — спросила она у Малуши. Поворачиваясь перед ней из стороны в сторону.

— Пожалуй, што так, матушка Ольга, — согласилась девочка.

Ольга ещё раз переоделась. Она надела головной убор из парчи с драгоценными камнями. К нему были прикрепле-

ны золотые височные кольца. Сверху накинула шелковое покрывало, украшенное по краям причудливой гладью. Платье было в виде удлиненной рубашки с глухим воротом и длинными рукавами... Сапожки с каблуками.

— А енто как? — обернулась она к Малуше.

— И енто ладно, — ответила девочка. — Усё одно, одёжой их не удивишь.

— И то верно, — глядясь в большое зеркало, согласилась с ней Ольга. — Иди, помогай Домне сундуки паковать. Я ишо сама попримеряюсь.

Последнее время Ольга стала часто бывать в церкви Святого Илии, где она находила успокоение от душевных тягот. Священник Григорий и сам часто навещал её. После гибели Игоря княгиня поначалу ушла в себя, но, вернувшись из похода в Искоростень, деятельно взялась за государственные дела. Она под страхом смерти ограничила влияние волхвов, особенно тех, кто себе в удовольствие злоупотреблял правом первой ночи, и начала духовное сближение с христианским священником. Княгиня слушала длинные проповеди и рассказы о Царьграде. Она стала проводить много времени за чтением молитв. Поручила Григорию списаться с Константинополем. И вот, наконец, пришло долгожданное приглашение посетить Царьград.

Перед отплытием она милостиво предоставила свободу Добрыне, превратившегося из худого высокого мальчишки в хорошо сложенного молодого парня. В его памяти навсе-

гда осталось, как их с сестрой привезли в княжеский терем. Путь от Искоростеня до Киева был неблизкий. Малуша стойко переносила дорогу. Когда повозка с детьми приблизилась к большому городу, она закричала:

— Укуев! Укуев!

— Киев! Гэта Малуша — Киев! — поправил её Добрыня. Даже возница, хмурый и неразговорчивый Белогор с улыбкой оглянулся на брата с сестрой. Сопровождавшие повозку вооружённые до зубов всадники тоже не смогли сдержать улыбок.

Жители Киева первое время приходили из любопытства посмотреть на известных пленников. Многие сочувствовали детям. Добрыню отдали на обучение старшему конюху Пылаю, а сестрёнку передали ключнице Домне. Та отослала её на кухню кстряпухам.

Пылай многому обучил смышлёного паренька. Немало пришлось Добрыне вынести навоза с конюшен. Вставал он с первыми лучами солнца, а ложился в глубоких сумерках. Потом поставили его на воротах выполнять мелкие поручения. Вскоре допустили прислуживать за столом, а через непродолжительное время он стал управлять всем княжеским хозяйством. За хорошую службу Ольга одарила его белым конём, оружием и подъемными деньгами.

Малуше исполнилось двенадцать лет. Она плохо помнила, как маленькими ручонками скребла тарелки и возилась в корыте с посудой. Если ей удавалось утащить с богатого

княжеского стола лакомый кусочек, она несла его брату в конюшню, где они, спрятавшись за кучей накошенной свежей травы, делили его на две равные части и с жадностью проглатывали.

Уже несколько лет Малуша работала в княжеских покоях, помогая в уборке, смене белья и чистке одежды. Тайком перечитывала византийские книги в княжеской библиотеке. Домна — её наставница и смотрительница, на глазах постарела, и Малушу пророчили на её место. Ключница иногда заставляла девушку за чтением.

— Усё одно, видать, што княжеска кровь — уж слишком смышлена, — ворчала она, но книги не отбирала и никому о пристрастиях Малуши не докладывала, так что даже княгиня была в неведении.

К Притыке сносили одежду и припасы в дорогу. Ольгу будут сопровождать несколько судов с воинами, большим запасом продуктов и подарками. Для путешествия на её ладье установили печь, теплую спальню, туалетную комнату.

Пришло время, и длинный караван тронулся в дорогу. Святослав давно не нуждался в опеке матери. Большую часть времени молодой князь проводил с дружиной, участь боевому искусству. Он уже лучше многих владел мечом и саблей. Без промаха посылал стрелу, считая и ценя выше других одно лишь мнение своих товарищей по оружию, а идеалом — славу и храбрость воина. Мать перед отъездом попыталась сводить его в церковь, но он уперся.

— Да меня дружина засмеёт. Ни за што не пойду.

— А я думала, ты и покрестишься, сынок? — проронила Ольга.

— Да ты што, матушка!

Святослав заткнул уши и выбежал из горницы. До отъезда она к этому разговору не возвращалась. Слишком уж самостоятельным он вырос, будто и не избалованный Игорь был его отцом. Да, по сути, так оно и было: воспитывал его воин до мозга костей, младший сын Олега — Асмуд.

Ладьи шли привычной дорогой. Всё те же пороги поджигали путников в пути. Кажется, недавно здесь проходили Аскольд, Олег, Игорь с войском. Но то были бывалые воины, а сейчас с Ольгой отправились жены и дочери знатных бояр и старших дружинников. Её сопровождала почти вся княжеская челядь. Свита насчитывала более ста человек. Как всегда по берегам сновали печенеги. От них Ольгу должны были защитить несколько тысяч отборных воинов. Возглавил дружину Свенельд. Асмуд поехал с Ольгой как представитель Святослава. Священник Григорий сопровождал как духовный наставник.

Стояла солнечная весенняя погода. Мимо проплывали покрытые свежей зелёной накипью берега. Тихо журчала вода за бортом. Первым на пути встретился порог «Кодацкий» из трёх хребтов — лав, поднимавшихся над водой. Поперёк реки тянулись четыре гряды камней. На берег под охрану дружины высадили женщин и прислугу. Гребцы по по-

яс, а где и не выходя из ладей, провели суда через бурлившие потоки. Небольшая передышка, и ниже «Кодацкого» зашумел порог «Сурский». Его с одной лавой и грядой проскочили быстро. За ним в полуверсте⁹ начинался третий порог — «Лоханский». У того под правым берегом три лавы и под левым — одна, да ещё заборы: «Стрельчатая» и самая опасная: «Богатырская» с площадками, усеянными мелкими камнями, готовыми продырявить днище в нескольких местах. А дальше уже вспененные водовороты понесут на острые гранитные островки и добьют что ладью, что человека. Лоцманам пришлось приложить немало усилий, чтобы пройти через него. За «Лоханским» услышали «Звонец» из двух лав и трёх гряд камней и заборами-каменьями, торчавшими повсюду. Ниже порога встретил огромный гранитный утёс. Верст через шесть показался пятый порог — самый грозный: «Ненасытец», длиной более пятисот аршин¹⁰. У него из воды поднимались семь рёбер — лав и двенадцать гряд камней. Гранитные скалы шли дугой от берега к берегу, то скрываясь, то выступая над водой. Самая высокая: «Белая лава» — была последней. Сдавливаемое с двух сторон течение падало вниз и с грозным гулом бежало дальше, рассекаемое рядами многочисленных камней. В конце порога путешественников ждала пучина — «пекло». Византийцы, проплывавшие со славянами в этих местах, окрестили это место

⁹ 1 верста примерно равна 1066,8 метра

¹⁰ 1 аршин примерно равен 0,71 м

«адам». Реки и речушки, со всей Руси впадающие в Днепр, сошлись здесь воедино и неслись, готовые всё смести на своём пути. По берегам можно было увидеть разбитые остатки ладей. В этом месте часто кружили, словно осы, печенег. Свенельд заранее выдвинулся с дружиной и в коротком бою отогнал мелкие отряды кочевников.

Верст через пятнадцать показался порог «Вовнигивский» из шести лав и семи гряд камней. Посреди него высился камень «Гроза», мимо которого с двух сторон неслись потоки воды. Проскочили. Через три версты услышали порог Будило из двух лав и двух гряд. В начале и в конце пришлось обходить заборы. Прошли на удивление быстро. Тут Днепр только пытался попугать путников грозным шумом. Через шестнадцать вёрст караван поджидал восьмой днепровский порог — «Лишний» из одной лавы и двух рядов камней. Версты через четыре показался последний порог «Вольный» из трёх лав и шести гряд камней. В конце три высоких утеса оставили узенький проход: «Волчье горло». И повсюду из мчавшихся вод торчали всё те же мощные острые камни.

Когда прошли последний узкий проход, Сфирка, который шёл лоцманом в первой ладье, посмотрел на своих помощников — Добромысла и Вышана.

— Кажись усё. Самое трудное позади...

— Скоро по чистой водице пойдем — одна благодать, — смахнув пот со лба, ответил ему Добромысл.

И действительно, дальше по реке и вдоль берега моря шли

без приключений. Погода выдалась на удивление погожею: ни одного шторма, иногда моросил дождь, но то было как спасение от пекущего жаркого солнца. Через месяц подошли к Константинополю. После переговоров Григория с береговой охраной, караван пропустили в залив. Свенельд, Асмуд, Явтяг, новый киевский посадник Вторак (перед дальней дорогой Ольга своей волей заменила состарившегося Велимудра) и Григорий сошли на берег. Но во дворец пустили одного священника. Он вышел к полудню и передал, чтобы ожидали приглашения на аудиенцию. В ближайшие дни императору встретиться с Ольгой некогда.

Поселили свиту русской княгини в большом дворце на берегу. Потянулись томительные дни ожидания. Поначалу всё было в диковинку, а потом и город приелся, и чванливые высокомерные греки, особенно те, кто повыше чином, стали раздражать и порою становились, словно кость поперёк горла. Дворец, как и все дома византийской знати, имел всё необходимое для жизни, начиная с бассейна и заканчивая большим фруктовым садом, но вынужденное безделье и изнурительная жара бодрости духа не добавляли.

Готовилась пышная церемония. Шли переговоры о предоставлении Ольги большего права, чем другим гостям императора. Греки всеми путями стремились обставить её визит как приезд заурядного удельного князька. Но княгиня мечтала встать в один ряд с государями Византии. Переговоры затягивались. Император не спешил принять русскую княгиню.

ню, надеясь на уступки по части церемонии. К тому же долгим ожиданием он как бы принижал значение её державы и давал понять, чтобы она знала своё место. Солнце палило нещадно. Лица русов почернели. Женская кожа славянских девушек и женщин давно не отличалась прежней белизной. Руки по локоть обгорели. И хотя посольство находилось на полном обеспечении империи, греки всё одно чего-то выжидали.

Вторак, Явтяг и Асмуд посетили местный театр, где посмотрели постановку с полуобнажёнными девицами. Перед ними разыграли сценку, как сводница хочет женить бедного паренька на богатой вдове. Сама вдова была в коротком хитоне и бегала по сцене, сверкая обнаженными ягодицами.

Явтяг, когда они возвращались с представления, плевался до самого дворца.

— Срам то какой, девицы непричесанные. Власы чародейные до плеч. Чай такую в жены взять непотребно.

Асмуд, смеясь, отвечал:

— Зато княгиня наша спит и видит, шобы мы стали такими жа.

— Срам да и тока, — качал головою Вторак.

Наконец был назначен день аудиенции на девятое сентября. Делегация русов вошла под своды Магнаврского дворца. В золотом зале Ольгу принимал Константин VII Багрянородный. Он восседал на массивном троне. Его голову украшала осыпанная драгоценными камнями диадема. Узкое ли-

цо Константина было холодным и бесстрастным. Ольга вошла в зал в сопровождении жен именитых бояр и служанок. Остальные члены делегации остались за большим пурпурным занавесом. Все, кроме нее, упали ниц. Для неё было сделано исключение, что было оговорено заранее и как раз явилось предметом долгих переговоров. Она неспешно подошла к трону и слегка поклонилась. Заиграл орган. Трон императора взлетел вверх, а затем плавно опустился.

Логофет от имени императора поинтересовался её здоровьем и здоровьем родственников. Пожелал благоденствия её стране. Пока чиновник произносил речь, лвы у подножия трона приподнимались на лапы и то рычали, то били хвостами. На ветвях золотого дерева щебетали искусственные птицы. Когда логофет замолчал, слуги внесли в зал дары Ольги: соболя и бобровые меха, богато украшенное серебром и золотом оружие. Ольга через переводчика пожелала императору и его семье здоровья, а его империи — процветания. Свою речь она закончила словами:

— Здравствует император! Здравствует семейство его!

После её последних слов наступила тишина. Громко зазвучал орган. Она поклонилась и вышла. За ней потянулась её многочисленная свита. Ольгу проводили через ряд роскошных залов и вестибюлей в зал Юстиниана, где её ожидала супруга императора Елена и невестка Феофано, отличавшаяся исключительной красотой и порочностью.

Женщины мило побеседовали — обменялись взаимными

пожеланиями здоровья и благополучия. Чудес Ольге больше не показывали. В специально отведённой для неё комнате, она смогла отдохнуть и привести себя в порядок.

Во второй половине дня делегацию росов повели на обед. Для женщин столы были накрыты в зале Юстиниана, а для мужчин — в Золотом зале дворца. Завидев императрицу, Ольга, лишь немного склонила голову. Члены её свиты распростерлись на полу. Княгиню усадили рядом с Еленой за особый стол, места за ним были отведены для жён высших сановников. Слух пирующих услаждали певчие собора Святой Софии. Они распевали василики — гимны в честь базилиевса и членов его семьи. Актеры разыграли пред ними несколько театральных сцен. Константин в это время обедал вместе с мужчинами из свиты Ольги — лучшими людьми города: воеводами, купцами, старшими дружинниками. После обеда он раздал всем по большой горсти монет.

Затем Константин со свитой прошёл в аристрий — зал для завтрака, куда перешли и женщины. На золотом столе их ждал десерт. Ольге поднесли большую чашу, украшенную драгоценностями, в ней лежало пятьсот серебряных монет. Всем женщинам её свиты тоже раздали по горсти монет. За столом остались близкие Ольге люди и семья Константина — его жена и пять дочерей, патриарх и переводчики.

Император с улыбкой спросил у Ольги:

— Я слышал, ты задумала крещение принять?

Она склонила голову.

— В сем главное в своей миссии — и вижу.

— Что же, надеюсь, его святейшество патриарх Полиевкт с радостью исполнит твое желание и волю. — Константин обернулся к патриарху. Надо сказать, сам Полиевкт относился к нему весьма скептически, ставя под сомнение законность брака его родителей: Льва VI и Зои Карбонопсины, а соответственно, и его существование, уже не говоря о звании императора. Но на этот раз он опустил голову в знак согласия.

— В день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня сие благое дело считаю возможным совершить.

Ольга посмотрела в глаза императору.

— Я бы хотела иметь тебя крестным отцом.

Тот недовольно сморщился и, отводя взгляд, уклончиво ответил:

— Следует над этим поразмышлять. Но в твоём случае тебе следует иметь крестную мать, а не отца.

Участие в церемонии императора как крестного отца сразу бы повышало статус княгини до уровня его родственницы, а Константин явно не желал этого. Тут уже недовольно поморщилась Ольга. Но через силу сказала с улыбкой:

— Што же тогда не следует ли сочетать браком моего сына Святослава с одной из твоих дочерей. — Она кивнула в сторону дочек императора, лица которых, после того, как переводчик довёл до всех смысл её слов, покрылись лёгким румянцем.

Константин чуть не подпрыгнул на стуле. Он часто произносил: «Да никогда василевс ромеев не породнится с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устройением, особенно же с иноверным и некрещеным¹¹.

Он перевел разговор на другую тему:

— Давай, достопочтимая архонтесса русов, поговорим лучше: как помочь Ромейской империи в борьбе с сарацинами и хазарами, и о крещении твоей страны.

Ольга перед беседой, похоже, поставила себе невыполнимые цели — породниться с императорским домом, чтобы её саму и страну поставили в один ряд с византийской знатью и Римской империей. Но византийские правители всегда считали остальные народы ниже себя по положению и призванию обслуживать интересы исключительно одного императора и близких ему людей. Она уже многое поняла и ответила точно так же уклончиво, как с недавно и сам Константин:

— По военной помощи я буду глаголить со своими лучшими людьми... В случае крещения своей державы мы хотели бы иметь собственное церковное правление. Но усё было бы легко разрешить после обсуждения помолвки моего сына с одной из твоих дочерей.

Константин снова сделал недовольное лицо, но на этот раз не ушёл от ответа. Он проговорил сухим ровным голосом:

¹¹ Константин Багрянородный «Об управлении империей» / Под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева.

— Весьма непростой вопрос, разрешить который можно только после тщательного обсуждения.

Он поднялся, давая понять, что прием окончен. Гости и близкие императора вышли. Он взял под руку супругу, и они нырнули в потайную дверь. По пути Константин пробормотал: «Эту безмерную наглость с неуместными домоганиями и наглыми притязаниями следует пресекать правдоподобными и разумными речами, мудрыми оправданиями... но я мог сегодня и не сдержаться. Союз с этими варварами нам весьма выгоден. Но они смеют требовать автокефалию. Неслыханная дерзость. Да ещё и прочат мою дочь в жёны варвару»¹².

Елена в ответ нежно поцеловала императора.

— Ты ведь у меня самый мудрый и лучше всех знаешь, как правильно поступить.

Ольгу крестили в соборе «Святой Софии». Патриарх Полиевкт поливал её специально подогретой водой. Под сводами храма звучал его бас: «Во имя отца и сына и святого духа... крещается раба Божия Елена...»

Выйдя после обряда за ворота величественного собора, Асмуд склонился, чтобы бросить монетку слепому бородатому нищему. Лицо старца, даже прикрытое бородой, показалось ему знакомым, оно точно не походило на профиль грека. Он спросил:

— Откель будешь, человече?

¹² Первая часть фразы: Константин Багрянородный «Об управлении империей» / Под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева

— Откель и ты! — громко и смело ответил тот. Испещрённое шрамами лицо, седые волосы говорили о его нелёгкой жизни, а ответные слова свидетельствовали о несломленной до сей поры силе духа.

— Из Киеву, значит?

— Последни дни жил у Киеве. А так-то из Ладоги.

— Как кличут тебя?

— Стоян!

— Ромеи тебя ослепили?

— Верно глаголишь, воевода.

— Домой хочешь возвернуться?

— А кто жа супротив такой милости возражать посмеет, — усмехнулся Стоян.

— Вечером будь здесь. Пришлю людей, они проведут тебя на ладью. Боги помогут, вывезем тебя отседова. — После этих слов Асмуд поспешил вслед за свитой Ольги.

Весь сентябрь и октябрь шли переговоры по поводу крещения Руси, женитьбы Святослава и помощи Византии. Ни одна из сторон не хотела уступать. Они так и закончились ничем. Оставили в силе договор, заключённый с Игорем. В конце октября был дан торжественный обед, гораздо более скромный, чем первый. Денежные подарки в дорогу были уменьшены в два раза. Один священник Григорий получил монет столько же, сколько и в первый раз. Русская делегация пустилась в обратный путь. Надо было спешить. Вот-вот и покроются льдом реки. Купцы обычно покидали Византию

уже в сентябре.

V

В Киев Ольга вернулась поздней осенью. Несмотря на противную изморозь и порывистый ветер, народу на берегу Почайны собралось много. Лодья с Ольгой подошла к При-тыке и носом упёрлась в деревянный причал. Свенельд под-держал за руку княгиню, и она легко спрыгнула на берег. Ольга обернулась к посаднику, шедшему следом:

— Раздай по серебряной монете. Из тех, что нас греки одарили.

Люди радостно загалдели. Вторак и два его помощника нырнули в толпу, раздавая направо и налево деньги. Люди обрадованно разбирали монеты, пробуя на зуб, подкидывая в воздух и обсуждая между собою богатство греков. Свято-слав подошёл к матери, встав перед ней на одно колено. Она склонилась и поцеловала его перехваченную очельем непо-крытую голову, затем подняла и крепко обняла.

— Здраве буде, сынок. Как вы тут?

— Здраве буде, матушка. Усё ладно.

Челядь принялась выгружать сундуки и тюки с добром, императорские подарки и многочисленные заморские това-ры. Незаметно для всех, в стороне от народа сошёл на берег Стоян. Асмуд поручил Добрыне поместить его в пристрой-ке и заняться поисками родных. Княгиня в сопровождении свиты прошла к терему на горе. Три дня все отдыхали после

дальней дороги. На четвёртый она позвала к себе Святослава. Окинув его взглядом любящей матери, она проговорила:

— Как ты подрос, сынок, куда меня не было... Я хочу сызнава поговорить с тобой о принятии веры христовой. Не може мы без гэтага войти в семью близким византийским народам и стать равными усем государям.

— Равными с теми, кто, прежде чем допустить под спеси-
вые очи, держал тебя два с половиной месяца в Суде¹³? —
усмехнулся в ответ Святослав.

— То, сынок, весьма неприятно, но сути не меняет. Усё
одно нам с ими сходиться надо.

— Не могу я, мама, того делати, што противно сердцу моему. Ишо и белой вороной в дружине быти.

— Так ты покрестишься, глядишь, и други за тобой потянутся.

— Не помне та вера. От што со мной делай...

— Но ты подумай ишо, сынок.

— Подумаю, — согласился молодой князь. — Только, коли надумаю — сам разговор затею. А куда не тревожь меня.

— А я тебе невесту сыскала, — сказала Ольга. — Пред-
славу, дочь боярина Местяты.

— Я её видал однажды...

— Вот и славно, — не дала договорить она сыну. — По
следующей осени и свадьбу сыграем.

¹³ Бухта Золотой Рог

— Я, мама, думаю, дружину к походу готовить.

Ольга нахмурилась.

— Покуль не спеши. Вот женишься и внука мне дашь попестать, тады и иди браниться.

Асмуд рассказал Святославу, как он встретил у ворот собора «Святой Софии» в Царьграде слепого Стояна. Князь выслушал короткую историю о пленении воина.

— Ты ему с княжеской казны денег отпусти. Да родных найди, — распорядился он.

— Родных уже ищем. Только нелегко ему без очей придется. Ежели сродники откажутся принять или в живых нету никого, не ведаю куды пристроить.

— Ежели не отыщешь сродников, найдем ему место. Дадим мальчишку в поводыри, да вона у задних ворот для виду сторожить поставим.

Но жену Стояна удалось отыскать. Добрыня, услышав, что она живет в полуразвалившейся избе, послал к ней мастеров. Доживала она свой век в одиночестве. Два сына поженились и разлетелись кто куда. К ней заглядывали редко, лишь иногда привозили внуков. Хотя и она к ним переезжать не думала, считая, что пока сама себя может обслуживать, никому в обузу не будет. Любава очень удивилась, когда ней пришли рослые, крепкие ребята. Один, самый высокий и ладный, начал ей объяснять:

— Молодой князь на днях проходил мимо, да увидел твою хату и приказал подправить.

Любава поначалу от радости и слова не могла сказать. Всё старалась мастерам угодить. И накормить хотела, и водички поднести. Те от каши скромно отнекивались и пили только воду. До наступления холодов они успели перекрыть крышу, поменять прогнившие бревна в стенах, обновить крыльцо.

Стояна уже предупредили, что его Любава жива и здорова. Последние дни он провёл в беспокойстве, а ночи без сна. Всё не находил себе места в ожидании встречи. И вот однажды Добрыня повёл его к родному дому. У входа они недолго постояли, чтобы дать время старику собраться с духом. Наконец, Добрыня постучал в избу.

— Заходите, заходите! — отозвалась Любава.

За прошедшие годы она постарела, но лучистые, когда-то прекрасные глаза и улыбка, время от времени озарявшая её лицо, словно возвращали на мгновения прежнюю красоту и молодость.

— Доброго здоровья, хозяйюшка, — произнёс Добрыня, входя в жарко натопленную избу.

— Будь и ты здоров, мил человек, — подслеповато щурясь, ответила Любава, оглядывая высокого, богато одетого парня.

— Кваском не угостишь, хозяйюшка? — попросил Добрыня.

— Отчего же не угостить? — сказала она и удивлённо добавила, вроде как себе под нос: — Откеля к нам такие гости-то пожаловали? Не лихие ли люди? Токо у мене и взять-

то нечего.

Суетясь, она неловко уронила ковш на пол. Тут же сняла с гвоздя другой и, зачерпнув из корчаги, протянула Добрыне. Тот поднёс ковш к губам и с жадностью осушил.

— Ох, хорош! Не предложишь ли присесть, хозяйюшка?

— Ой, проходи, проходи, — опять засуетилась Любава, указывая на лавку за большим дубовым столом.

Добрыня сел за стол, а Стоян опустился на скамейку у входа в тёмном углу, так что его почти не было видно.

— Про мужика-то твоего не слыхать ли чего? — спросил Добрыня, внимательно вглядываясь в лицо женщины.

— Я уже все слёзы выплакала, — присев напротив, ответила Любава. — Пропал мой милёнок. Уж и пальцев на руках не хватить, чтобы года перечесть. Она оглянулась в затемнённый угол. — А ты пошто же про гэта выпрашиваешь?!

И вдруг, словно что-то почувствовав, она встала в полный рост и шагнула к дверям. Ей навстречу поднялся Стоян.

— Ой! — воскликнула она. — Неужто?! — Любава оглянулась к Добрыне. Она подошла ближе к мужу, нагнула его седую голову и стала целовать затянутые шрамами глазницы. — Ладушка ты мой ненаглядный. Иде же ты пропадал? — Из её глаз ручьями полились слезы.

Стоян наощупь вытирал её мокрые глаза, с трудом сдерживаясь, чтоб не зарыдать самому.

— Ну, я тута, пожалуй, лишний, — поднявшись, сказал Добрыня и шагнул к выходу. Стоян и Любава этого даже не

заметили. Они остались наедине, ведь им было о чём поговорить и что вспомнить.

VI

По возвращении из Константинополя Ольга долго таила обиду за холодный прием. В отместку за месяцы ожидания аудиенции императора Константина VII, княгиня решила отплатить сторицей. Она поручила купцам, которые вели торговлю с франками, дать знать королю Оттону I, что на Руси не возражали бы принять его посланников и обсудить возможность принятия католической веры. О своих планах она поставила в известность отца Григория, а тот немедленно донёс об этом императору.

По весне в Киев неожиданно нагрянули гости. Возглавлял посольство епископ Адальберт. Ещё недавно он был монахом, но так случилось, что Либуций, готовившийся к поездке на Русь, внезапно умер, и Адальберта повысили в чине. Ему поручили важную миссию от имени короля франков вести переговоры с русами о крещении Руси. Папа Агапит II дал ему право ставить епископов в землях славян.

Месяц в ожидании приёма гости прожили в отведенной для них просторной избе. А в середине весны у княжеского дворца возле ворот столкнулись две делегации — Ольга намеренно позвала их в одно время. При этом франков пропустили, а грекам передали, что княгиня примет их через два с половиной месяца — ровно через такое же время, какое она сама прождала приёма.

Святослав на встречу с франками не пошёл. Ольга принимала епископа с новыми советниками Местятой и Немежичем, и толмачом Милонегом.

— Приветствую тебя, королева ругов! — как только его провели в Золотую палату, произнёс Адальберт, делая витиеватый поклон.

— И тебе здравия, посланник короля Оттона! — ответила через переводчика Ольга. — Всего ли тебе и твоим людям хватает в Киеве. Как ты добирался до наших мест? — поинтересовалась она.

— Благо, с Божьей помощью смогли добраться по весьма нелёгкой дороге. Ну, а в скудном питании видим лишь испытание, ниспосланное нам свыше, — с намёком ответил епископ.

— Здоров ли твой государь? Как его семейство? — спросила Ольга, будто не услышав его намёка.

— Все в полном здравии, королева. Того же и тебе желают.

— Я хотела бы от тебя, святой отец, проведать — каково толкование учения твоей церкви? — спросила Ольга. — От нас многое сокрыто, посему и призвали тебя.

— Токо от меня, королева, ты можешь узнать про то боле, чем от кого бы то ни было, — самодовольно начал священник, — ибо ближе я стою к Богу, чем простые смертные. Подходим мы ко многому иначе, чем те же византийцы, а уж о других и говорить не приходится. Дух святой, по нашему разумению, исходит от Отца и Сына, а не от одного Отца. Та-

ки же благодать боле следствие Божественной Причины, подобно акту творения. Святой Дух есть любовь между Отцом и Сыном, между Богом и людьми. Папа Римский безгрешным почитается и наместником Христа на земле... Крестное знамение совершается пятью пальцами с открытой ладонью и слева направо. После ухода в иной мир ожидает людей чистилище. И ещё... — толмач едва успевал повторять за епископом.

Ольга подняла руку, останавливая гостя.

— Я отчасти поняла тебя. Но, стало быть, нужно немало времени, чтобы проникнуться сутью твоей веры. Посему мы ещё встретимся с тобою. А доколе разрешаю тебе проповеди для понимания людьми смысла твоих речей. — Она обернулась на Местяту. — Я сама многого не пойму. Иде уже нашим лапотникам разобраться. — Тот в ответ заулыбался.

После беседы княгиня всё же распорядилась отпустить франкам больше хлеба и медовухи, к её употреблению Адальберт оказался весьма не равнодушен.

Он развил в Киеве кипучую деятельность. Епископ подкупал знатных бояр, пытаясь заручиться их поддержкой. Но одним из требований новой веры он считал отказ от помывки в бане. С важным видом Адальберт призывал ходить в заношенной до дыр одежде и никогда не мыться, только так, по его понятиям, можно достичь духовного очищения. А после того, как будет проведено крещение, и умываться было нельзя — ведь можно смыть с себя «святую» воду, которой

обрызгивали во время священного обряда. Киевляне и приезжие из окрестных земель собирались вокруг него и слушали проповеди на ломаном русском языке. Многие, после его речей, крутили пальцем у виска, а большинство сразу уходило, недоумевая, как его допустили в Киев.

Кончилось тем, что у дома священника собралась большая толпа, готовая вынести ворота. Ему еле удалось спастись через чёрный выход. Ольга поручила тайно вывезти епископа из Киева и отправить восвояси.

После долгого ожидания греки были допущены в княжеский терем, раскланявшись, они отбросили дипломатический этикет и с присущим им высокомерию напрямую попросили у нее военной помощи и разрешения начать крещение Руси. Наученная византийской хитрости, Ольга ответила неопределённо, что одна этого решить не может, надо посоветоваться. Поздней осенью греки, так и не дождавшись ни того, ни другого, уплыли.

Сын этих дел не касался. На приеме греков он пробыл недолго, увидев чванливый вид посла Антония, встал и, не сказав ни слова, вышел из Золотой палаты. Всё своё время он посвящал военным наукам или проводил с дружиной.

Малуша тайно засматривалась на голубоглазого Святослава, а тот почти не замечал прибиравшуюся в покоях девушку. Перед его пышной свадьбой она помогала готовить наряды и накрывать столы, укладывала снопы на постель для молодых, а по вечерам горько плакала в своей светёлке. Сва-

дьба прошла весело. Почти все в Киеве, за исключением младенцев и отроков, пригубили по чарке медовухи.

Скоро у Святослава родился первенец — Ярополк, следом на свет появился сын Олег. Но Предславу он не любил, так и продолжая большую часть времени уделять дружине. Как только внуки подросли, Ольга решила перебраться вместе с ними в Вышгород — укреплённый городок неподалёку от Киева. Сын к этому времени полностью взял в свои руки власть в державе, а когда на днях она попыталась дать ему какой-то совет, прямо сказал, что как она будет нужна, он сам её позовёт.

Перед переездом она прошлась по залам терема, который за долгие годы перестроила на свой вкус. Со двора поднялась на высокое крыльцо и в сени, служившие большой горницей. Из двух узких застеклённых окошек падал рассеянный свет. Сегодня было тихо, обычно здесь с раннего утра толкались тиуны, бояре, купцы. Всем она ещё недавно была нужна. Слева переход вёл в княжескую трапезную, вправо уводил длинный коридор, по сторонам виднелись двери в светлицы. На стенах повсюду висели массивные подсвечники, под потолком — большие светильники. Тут где-то была и комнатка Малуши. Предслава — уезжавшая вместе с ней, видимо, что-то почувствовав, советовала Ольге забрать её с собой, но видя, как девушка следит за порядком в тереме, она запретила той даже заикаться об этом. Сердце подсказывало, что никто не мог в отсутствии матери лучше позабо-

титься о сыне. Ведь сама Предслава больше следила за собой, чем за княжескими покоями. Да и к Святославу была холодна. Шаги Ольги зазвучали по лестнице на второй этаж, где начиналась Людная палата, куда из нижней горницы поднимались приглашённые для встречи с ней. Оттуда проход вёл в просторную Золотую палату. На высоком помосте стояло украшенное самоцветами кресло, за ним на стене висели два перекрещенных копьё с княжескими знаменами, по бокам стояли два кресла поменьше. Из множества узких окон лилось много света. Стены палаты были украшены золотым оружием. Она прошла в опочивальню и присела в кресло у окошка, наблюдая, как со двора уже начали выезжать гружёные скарбом повозки с челядью. Ночь она спала плохо. Ольга хотела даже приказать растопить печь, что-то ей стало зябко — хоть и лето, а на рассвете прохладно. Может, уже и старость клюкой заскребла у порога? Потом вспомнила, что ночует в тереме последний раз... Как ее девочкой привезли в Киев... Как не любила мужа — самовлюблённого и избалованного наследника, но мирилась и ждала своего часа. Пришло время, стала она полновластной хозяйкой на Руси, но вот и её час пробил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.